

ДАНИИЛ И. КОКИН

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0003-0582-7376

Темпоральная безопасность и мировая политика

Рецензия на книгу:

Bachleitner K. (2021) *Collective Memory in International Relations*,
Oxford: Oxford University Press

doi: 10.22394/2074-0492-2022-1-158-166

158

Память всегда носит одновременно индивидуальный и коллективный характер. С одной стороны, человек помнит в силу своих когнитивных способностей. С другой — благодаря тому, что есть инструменты, способы, а главное — объекты коммеморации (люди, вещи, события). Предметы памяти являются социальными. Понятие коллективной памяти прочно закрепилось в социологии благодаря работам французского исследователя Мориса Хальбвакса, утверждавшего, что память присуща не только индивидам, но и сообществам [Halbwachs 1980, 1992]. Кроме того, эпитет «коллективный» означает также и то, что процесс запоминания происходит совместно.

Исследователи международных отношений пытаются понять и объяснить происходящие на мировой арене события и их причины. Что в таком случае означает коллективная память страны (государства, нации)? И как она может помочь объяснить происходящее в международной политике? Часто государства делят общее прошлое, но транслируют разные нарративы о нем. Можно ли обнаружить корреляцию между нарративом государства о прошлом и его

Кокин Даниил Игоревич — инженер-исследователь Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания УГИ УрФУ. Научные интересы: политическая философия, справедливость, Джон Ролз, методология политической философии, метаэтика. E-mail: daniil.kokin@urfu.ru
Daniil I. Kokin — research assistant at the Laboratory of Comparative Studies of Toleration and Recognition of UIH UrFU. Research interests: political philosophy, justice, John Rawls, methodology of political philosophy, metaethics. E-mail: daniil.kokin@urfu.ru

текущими действиями в международной политике и именно этим объяснять последние? На данный момент мейнстримное направление международных отношений как академической дисциплины игнорирует память как «слишком неряшливый, иллюзорный и неясный» [Bachleitner 2021:3] термин, как следствие, не имеющий объяснительной силы. Те же, кто хоть как-то пытаются поработать с понятием, утверждают, что истоки коллективной памяти страны таятся во внутренней социетальной сфере. В своей недавно вышедшей книге Катрин Бахляйтнер, исследовательница международных отношений Оксфордского университета, предпринимает оригинальную попытку рассмотреть коллективную память в своей дисциплине как эмпирически, так и теоретически. Она утверждает, что память страны, скорее, возникает в политическом курсе страны на международной арене. Бахляйтнер иллюстрирует влияние коллективной памяти на политические результаты не только в теоретическом, но и в эмпирическом плане через сравнительное исследование Австрии и ФРГ после Второй мировой войны и показывает, как коллективная память проявляется и формирует сперва политическую стратегию, затем публичную идентичность, манифестируемую в поведении, и, наконец, систему ценностей этих двух стран. В этой рецензии мы сфокусируемся на теоретической части книги.

159

Прежде чем детально разобрать подход Бахляйтнер, необходимо обратиться к доминирующей сегодня литературе по онтологической безопасности, и объяснить основные компоненты этого понятия. Бахляйтнер выводит три простых формулы для трех разных понятий безопасности. Классическая теория международных отношений, от Гоббса до работ политических реалистов, пользовалась концепцией физической безопасности: быть в безопасности — значит выживать, т. е. сохранять материальную целостность своего тела (территория). Второе — понятие онтологической безопасности, разрабатываемое конструктивистами и сводящееся к формуле «быть в безопасности — значит быть». Это понятие, разработанное социологом Энтони Гидденсом [Giddens 1984] и перекочевавшее в международные отношения благодаря работам Дженнифер Митцен и Брента Стила [Mitzen 2006, Steele 2005], используется для того, чтобы объяснить поведение государств на международной арене, которое опирается на «целостность с “Я”» [Bachleitner], или идентичность. Стремление к онтологической безопасности — это стремление к соответствию поведения и идентичности. Существенным компонентом является государственная идентичность, сочетающая социологическое и психологическое понимание этого термина. Бахляйтнер показывает, как среди исследователей онтологической безопасности расходятся мнения по поводу государственной иден-

тичности, или государственного «Я». Один из пунктов разногласия заключается в цели ее конструирования. Одна позиция рассматривает цель идентичности государства как «структурную», «социологическую» и «экзогенную». Эти исследователи смотрят «вовне», на то, как государственная идентичность формируется во взаимодействии с «внешними другими». Поведение государства в результате этого описывается как попытка сбалансировать действия для достижения целостности с «Я» через установление порядка в отношениях с другими. Таким образом, эта точка зрения фокусируется — как и большинство конструктивистов — на внешнем, социальном измерении идентичности.

Книга отходит от работ по онтологической безопасности в трех существенных направлениях: во-первых, вместо полагания государственной идентичности как предсуществующей ее истоки в коллективной памяти определяются точно и воспроизводимо. Во-вторых, понятие коллективной памяти рассматривается как динамическое, т. е. учитывается возможность ее изменения (как во внутренней, так и в международной сфере). Наконец, книга выделяется тем, что учитывает возможность изменения не только содержания коллективной памяти, но и изменчивых факторов ее природы. Таким образом, заимствуя понятие онтологической безопасности и совмещая его с междисциплинарным понятием коллективной памяти, Бахляйтнер «уточняет» понятие идентичности с помощью «уникальных коллективных и темпоральных» [Bachleitner 2021:4] характеристик и проясняет связь идентичности и поведения. Как результат, автор формулирует и развивает подход «темпоральной безопасности». Это понятие носителя идентичности страны описывает, как память направляет международные действия государства сквозь время.

Понятие темпоральной безопасности объясняет поведение государств с помощью коллективной памяти и предполагает, что страны в своей деятельности опираются на свое повествование о себе в прошлом. Поскольку в основе этого нового подхода лежит коллективная память, понятие времени должно быть его стержнем. Для этого необходимо уточнить природу коллективной памяти и ее проявления в мировой политике. Содержание памяти — критическое событие в истории страны, повторно интерпретируемое в настоящем. Таким образом, содержание коллективной памяти занимается историческим событием скорее как оно понимается в настоящем, нежели «как оно было». Коллективная память и ее содержание со временем меняются: меняется интерпретация конкретного исторического события. Изменения памяти происходят и в отношении своей степени (прямой или косвенной): со временем меняются формы памяти и их место в социальных отношениях.

Коллективная память оказывается носителем, лежащим в основе идентичности государства, заостряя внимание на темпоральном измерении идентичности. Темпоральная безопасность сочетает в себе онтологическую безопасность бытия и время как бытие-во-времени. Таким образом, новая теоретическая рамка Бахляйтнер описывает страны как ищущие безопасность, из стремления к «бытию-во-времени» устанавливающие преемственность со своей коллективной памятью, т. е. со своим «нарративом о себе в прошлом». Точкой отсчета для этого разворачивающегося процесса всегда является коллективная память, которая проявляется двояко: в конкретном содержании памяти, отсылающем к прошлому, а также в четырех формах, связанных с темпоральной природой памяти: политической стратегией, публичной идентичностью, поведением государства и национальных ценностей. В каждой из этих форм коллективная память влияет на действия страны в той или иной степени. Следующие главы книги раскрывают формы проявления и влияние коллективной памяти на курс страны в мировой политике и иллюстрируют это кейсами послевоенных ФРГ и Австрии.

Раскрывая то, как коллективная память проявляет себя в международных отношениях, Бахляйтнер обращается к существующим подходам к изучению ее природы и истоков. Социологи считают, что *общество и входящие в него индивиды хотят помнить* и тем самым создают соревнующиеся между собой версии прошлого. Это значит, что коллективная память возникает внутри общества, страны. Автор утверждает, что социологическая литература по коллективной памяти «не вносит большого вклада в вопрос о том, кто запускает процесс коллективной памяти» [Bachleitner 2021:38] после критического события. В свою очередь, политологи объясняют истоки коллективной памяти политическим процессом «инструментализации, когда политические акторы хотят помнить в интересах внутренней политики» [Ibid.:38] и называют это политикой памяти. Однако после критического события люди обычно не пытаются вспоминать прошлое: их умы устремлены в настоящее и будущее, они пытаются скорее забыть, чем помнить. Так характеризуется понятие травмы. Травма означает «невыразимое, непередаваемое» [Ibid.:40]. Бахляйтнер приходит к выводу, что память не рождается из политической стратегии: «предполагается, что влияние коллективной памяти на международное поведение государств обусловлено тем, что коллективная память уже является неотъемлемой частью идентичности страны или менталитета лиц, принимающих решения» [Ibid.:41]. Таким образом, коллективная память проявляет себя сразу же во внешней политике через действия элит, политиков и дипломатов. Автор утверждает, что при наррации прошлого политические акторы ограничены тремя факторами: во-первых,

структурой «международно-доступных прошлых» [Ibid.:63]. Вторым ограничением является структура индивидуального выбора политических акторов и, в частности, их автобиографический опыт. Последнее ограничение связано с конфликтами по поводу прошлого между взаимно осведомленными акторами.

Далее Бахляйтнер объясняет, как память из стратегии превращается в идентичность, т. е. возвращается с международного на внутренний уровень. Она утверждает, что на это требуется как минимум десять лет. Коллективная память является носителем государственной идентичности, становясь пассивным ограничением для полисимейкеров. Но источником идентичности тем не менее является официальный нарратив, который проникает в публичное поле. Чтобы память как стратегия (политический инструмент) стала идентичностью (неинтенциональное, пассивное ограничение), должны быть удовлетворены несколько условий. Во-первых, «первоначально сформулированная версия памяти должна продолжаться во времени, чтобы стать идентичностью» [Ibid.:66], то есть стать стабильной. Во-вторых, версия прошлого, созданная памятью, должна укорениться в сознании агентов до такой степени, чтобы впоследствии она обошла «доступное, воображаемое, мыслимое» [Ibid.], то есть стала единственной возможной версией. Бахляйтнер заключает, что память «связана с *опытом прошлого в настоящих, международных рамках*, а не с *реальным опытом прошлого*» [Ibid.:85].

В международных отношениях нет консенсуса касательно того, что определяет поведение государства: реалисты утверждают, что это территориальная целостность, и создают связку «интерес-поведение», конструктивисты утверждают, что это стремление обеспечить целостность «Я», и создают связку «идентичность-поведение». Идентичность может определять поведение государства только через «компас коллективной памяти» [Ibid.:87]. Бахляйтнер добавляет к традиционной конструктивистской связке «идентичность-поведение» третий элемент — память. По словам автора, это дает нам возможность «уточнить, как и откуда возникает коллективная идентичность государства» [Ibid.:88]. Когда государства выбирают курс действий, неконгруэнтный их чувству целостности, у общества и политических лидеров появляется чувство стыда. Эти механизмы действуют в рамке как онтологической, так и темпоральной безопасности. Однако в последней стыд связан с коллективной памятью через процесс саморефлексии. Поведение государства понимается как саморефлексивная борьба за память, чтобы иметь возможность «быть во-времени». Когда появляется рассогласование между биографическим нарративом и реальным поведением, это называется «дискурсивное раскаяние». Действия государства при-

водятся в соответствие с предсуществующей национальной историей (story) во избежание (публичного) стыда.

Бахляйтнер утверждает, что из способности помнить вырастают определенные обязательства, природу которых необходимо раскрыть. На основании морально-философских соображений, в «процессах, окружающих память», которые описываются в понятии темпоральной безопасности, можно определить источник нормативности системы ценностей нации. Со временем отношение между коллективной памятью, идентичностью и поведением генерирует для стран «долг действовать» в смысле долженствования. Этот последний и самый расплывчатый, однако устойчивый в долгосрочной перспективе, способ влияния коллективной памяти на международные отношения направляет поведение государства к единственному *хорошему* (good, т. е. основанному на определенном понимании блага) курсу действий. Бахляйтнер демонстрирует это действиями ФРГ и Австрии во время миграционного кризиса 2015 года, основанными на их различной коллективной памяти.

В последней главе Бахляйтнер утверждает, что память, помещенная в корни национальной системы ценностей, оказывается источником ее нормативности. Все описанные выше процессы вокруг коллективной памяти формируют основу для надежных обязательств того, как государства должны действовать в долгосрочной перспективе. Последние, вырастая из идентичности, всегда содержат внутренне нормативный элемент. Связь между памятью, идентичностью и нормативностью заключается в следующем: «То, как и что мы помним, отчасти определяет, кто мы есть, а то, кто мы есть, является для нас нормативным и, как таковое, источником ценностей и обязательств различного рода» [Ibid.:121]. Иными словами, страна выстраивает свою идентичность на основании определенной памяти и, исходя из этого, характеризует нечто как ценное, что другая страна, обладающая другой памятью, оценивает иначе. Таким образом, поведение, основанное на ценностях, или нормативное действие, объясняется идентичностью государства. Но Бахляйтнер считает, что идентичность и память не только дают нам возможность оценивать, но в итоге, создают ценность как таковую. Это значит, что связка «идентичность-поведение» определяет не просто нормативное поведение, но единственно правильный (right) курс действий, т. е. устанавливает обязательство действовать.

Несмотря на большое количество исследований как в области этики памяти, так и в области моральных аспектов международных отношений, попытка поместить идентичность и коллективную память в источники нормативности является новаторской. Существующие исследования изучают нормы, ценности, память как таковые, т. е. изучают свойства памяти, «однако они не смотрят

на “практики памяти” как на источник нормативности» [Ibid.:123]. Но что является источником нормативности: сама память (ее свойства или акт запоминания) или же практики памяти? По мнению автора, ценности генерируются в процессе, заключенном в понятии темпоральной безопасности. Они «возникают в саморефлексивной борьбе за бытие-во-времени, то есть в практиках памяти» [Ibid.:123]. Поведение государств в поисках темпоральной безопасности как раз и генерирует национальные ценности.

Мы можем сфокусироваться на свойствах памяти, а можем на практиках. Первые формируют императив помнить, вторые — долг действовать. Императив помнить опирается на интенциональный вызов в сознании определенной версии памяти, а долг действовать берет начало в «неинтенциональной работе памяти, что дает в долгосрочной перспективе возможность появления новых нормативных горизонтов для коллективов и их стран» [Ibid.:124]. То есть в случае понятия темпоральной безопасности важна не ответственность за прошлое и обязанность помнить, а связь между памятью и идентичностью. Таким образом, Бахляйтнер заключает, что отношение между памятью и идентичностью определяет, как должен действовать коллектив. Коллективная память производит систему ценностей, фокусируясь на практиках памяти: то, как государство помнит свой исторический опыт, имеет длительные последствия для его нормативных горизонтов. Наррация конкретной памяти производит нормативность, определяя (для политиков), что есть хорошего в выбранном курсе действий.

Работа Бахляйтнер оставляет множество вопросов. С одной стороны, автор, используя междисциплинарный подход, спорит с имеющимися теориями, провоцирует мейнстримную позицию и дает оригинальную теоретическую рамку, потенциально обладающую серьезной объяснительной силой. С другой — появляются сомнения в универсальности подхода темпоральной безопасности. Во-первых, остается неясным, помогает ли он объяснить текущую политику стран с разной культурой, историей, режимом правления, но все же объединенных общим прошлым. Ведь так или иначе эти страны также являются акторами мировой политики. Кейс с Австрией и ФРГ оказывается слишком удобным для этой концептуальной рамки. Скажем, насколько коллективная память Китая как азиатской страны определяет его стратегию, поведение, идентичность и ценности? Или Катара, одной из немногих оставшихся абсолютных монархий? Далее, остается открытым вопрос о временных рамках подхода: сколько должно пройти лет или событий, чтобы критическое событие из прошлого больше не определяло настоящее и будущее страны? Следующим важным моментом ока-

зывается недосказанность касательно того, что еще, помимо коллективной памяти, определяет решения полисимейкеров и как оно связано с темпоральной безопасностью, прошлым и т. д. Вряд ли ФРГ и Австрия отреагировали по-разному на миграционный кризис 2015 г. только потому, что у них выстроились разные нарративы касательно их нацистского наследия. Более того, объяснение решений правительств этих стран только через коллективную память и темпоральную безопасность кажется как минимум недостаточным. Не менее важно задаться вопросом, как предложенная теория помогает объяснить и отличить коллективную память от пропаганды. Наконец, каковы пределы применения данного подхода? Можно ли использовать подход в таких актуальных темах, как экология, постколониализм и т. д.?

Книга представляется обязательной к прочтению, особенно исследователям международных отношений: Бахляйтнер добавляет новый инструмент в арсенал для предсказания действий акторов мировой политики. Помимо них, книга может оказаться полезной и для социологов, изучающих коллективную память: автор представляет ее как комплексное междисциплинарное понятие, препарирует и пересаживает в тело другой дисциплины. Учитывая, что книга вышла относительно недавно (29 апреля 2021 г.) и то, что это первая монография исследовательницы, предложенной теоретической рамке еще предстоит выдержать серьезную критику, а также обогатиться дополнительным эмпирическим материалом для ее обоснования и аппликации.

165

Библиография / References

- Halbwachs M. (1992) *On Collective Memory*. Edited, translated, and with an introduction by Lewis A. Coser. Chicago: University of Chicago.
- Halbwachs M. (1980) *The Collective Memory*. Translated by Francis J. Ditter, Jr. and Vida Yazdi Ditter, and with an introduction by Mary Douglas. N. Y.: Harper & Row.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of a theory of structuration*. Oxford: Polity Press.
- Steele B. J. (2005) Ontological security and the power of self-identity: British neutrality and the American Civil War. *Review of International Studies*, 31: 519–40.
- Mitzen J. (2006) Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations* 3(12): 341–70.

Рекомендация для цитирования:

Кокин Д. И. (2022) Темпоральная безопасность и мировая политика. Рецензия на книгу: Bachleitner K. (2021) *Collective Memory in International Relations*, Oxford: Oxford University Press. *Социология власти*, 34 (1): 158–166.

For citations:

Kokin D. I. (2022) Temporal Security and World Politics. Book review: Bachleitner K. (2021) Collective Memory in International Relations, Oxford: Oxford University Press. *Sociology of Power*, 34 (1): 158-166.

Поступила в редакцию: 20.02.2022; принята в печать: 27.02.2022

Received: 20.02.2022; Accepted for publication: 27.02.2022